

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(430)

Н. А. Поликарпова

Особенности погребального обряда древних римлян в эпоху Империи

Статья посвящена рассмотрению отдельных аспектов древнеримского траурного ритуала как индикатора социокультурных, политических и эстетических особенностей мировоззрения римлян эпохи Империи.

Ключевые слова: похороны, могила, погребальный обряд, кремация, ингумация, смерть, кладбище, память, Эсквилин, Либитина.

N. A. Polikarova

Peculiarities of a Funeral Ceremony of Ancient Romans during the Empire Era

The article is devoted to consider some aspects of the Ancient Roman mourning ritual as an indicator of sociocultural, political and aesthetic peculiarities of the Romans' outlook of the Empire Era.

Keywords: funeral, a grave, a funeral ceremony, cremation, inhumation, death, cemetery, memory, Esquilin, Libitina.

Каждая цивилизация обладает уникальной символической системой, кодирующей наиболее важные, особенные черты какого-либо социокультурного сообщества. В систему кодов входят, к примеру, разного рода обряды, в том числе и погребальный, отражающий мироощущение человека конкретной социальной среды, исторической эпохи, выявляющий его представления о фундаментальных категориях бытия – жизни и смерти.

Реконструированию траурных обрядов жителей императорского Рима способствуют как данные юридических текстов (Дигесты Юстиниана [1] – источник, объединивший нормативные акты Римской империи), так и информация, полученная на основании анализа литературных памятников времен Империи («коллективная биография» римских правителей Светония [2]; «Метаморфозы» [3] и «Фасты» [4] Овидия; произведения сатириков Марциала [5] и Ювенала [6]).

Источники свидетельствуют о том, что обряды предпохоронного цикла ко времени установления режима принципата были весьма разнообразны. Они предполагали, во-первых, прощание с любимым человеком последним поцелуем, а также совершавшееся ближайшими родственниками закрытие умершему глаз и рта [7]. Во-вторых, «как бы подтверждая то, что покойный действительно мертв, они [родственники. – Н. П.] несколько раз громко произносили его имя» [8]. Затем, подчиняясь вековым традициям, члены семьи покойного должны

были оповестить о случившемся должностных лиц при храме Либитины – богини смерти и погребения, которую отождествляли с Прозерпиной, женой Плутона, владычицей подземного царства [9]. Именно распорядители похорон из храма Либитины за определенную плату занимались организацией процесса погребения. Данные лица осуществляли омовение трупа, умащение его благовонными мазями и облачением в тогу, иногда с приобщением знаков прежнего сана. Череда подготовительных процедур завершалась размещением тела на парадном ложе в атриуме, ногами к наружной двери. Перед домом в знак траура втыкали ветви кипариса или сосны. Они оповещали прохожих о том, что дом посетила смерть, и одновременно предостерегали их от осквернения. Как правило, в богатых домах тело усопшего было выставлено для прощания в течение семи дней, а на восьмой осуществлялся процесс погребения.

Во времена Римской империи произошло также окончательное формирование погребального обряда, сложность и помпезность которого зависели от уровня доходов и общественного статуса каждого конкретного человека. Так, нередко представители низших слоев римского общества, не имея денег, отправлялись в последний путь без каких-либо церемоний, ночью, сразу после кончины. Такие люди не могли позволить себе даже отдельной могилы: труп просто бросали в яму или сжигали на общем

костре. Подтверждением данного факта может служить одна из эпиграмм Марциала:

«Нищего тело несли вчетвером клейменные мимо
(Тысячу трупов таких к жалкой могиле несут)» [10].

Нередко бедняки оставались и вовсе без погребения [11], хотя данное обстоятельство считалось самым тяжким наказанием для любого человека, поскольку считалось, что душа, высвободившись из непогребенного тела, не может найти успокоение и скитается по земле, принося несчастья.

Чтобы тень лишенного погребения человека не беспокоила живых, законом предписывалось осуществление обряда похорон даже в том случае, если обнаруживший тело человек не являлся родственником покойного. В законе прописывалось, что «жалость или благочестие могли проявиться в том, что он [человек, обнаруживший тело. – Н. П.] похоронил умершего, чтобы тот не лежал непогребенным, но не простираться на то, чтобы он сделал это за свой счет» [12]. В подобной ситуации «тот, кто похоронил, должен получить обратно то, что истратил» [13]. В условиях, «если посторонний человек закопал кости или тело» без уведомления собственника участка земли, лишать тело его последнего пристанища без соответствующего на то разрешения считалось преступлением [14].

Существование души после смерти тела состоятельных и влиятельных граждан Рима было в большей степени определено. Кроме того, наличие материальных средств обеспечивало достойные проводы усопшего, а также гарантировало его почитание и поминовение после упокоения. В таких случаях похороны, помимо всего прочего, были призваны продемонстрировать статус, обеспеченность ушедших из жизни, что превращало процесс прощания с почившим в красочное зрелище для зевак.

Хотя в Риме не раз предпринимались попытки законодательно ограничить затраты на организацию и проведение похорон, подобные действия не были эффективны. Похороны по-прежнему были достаточно затратны, даже несмотря на запрет «хоронить вместе с трупами украшения и подобные украшениям вещи, как это делают глупые люди» [15]. Видимо, начавшийся еще в V в. до н. э. процесс упрощения и удешевления похорон не был завершен даже в эпоху Империи, так как, игнорируя «законы, ограничивавшие расходы граждан на совершение погребальных обрядов, многие тратили на похороны огромные суммы: одни – из любви к покойному, другие – из тщеславия» [16]. К числу ограничений также были отнесены возможность гасить погребальный костер вином и хоронить покойного с украше-

ниями из золота. Запрещалось и повторное торжество при захоронении урны с прахом кремированного [17]. Кроме того, предусматривалось сокращение числа траурных нарядов женщин, числа приглашенных флейтистов и плакальщиц, количества венков и кадилниц [18].

В похоронной процессии участвовало, как правило, огромное число лиц, среди которых были флейтисты, плакальщицы, певцы, а также актеры и мимы: облаченные в маски, они изображали умершего и его почивших предков [19]. Далее следовали сыновья и другие ближайшие родственники, либо вольноотпущенники, несшие тело; завершал шествие простой народ, стекавшийся «поглазеть» на процессию: «Тело несут среди мрачных друзей и на радость народу» [20].

Особыми были варианты погребения и поминовения лиц, ставших жертвами кораблекрушения или гибели судна: поскольку у тел погибших не было пристанища, для них вырывались пустые могилы и ставились надгробия, чтобы подчеркнуть связь умершего с землей:

«На побережье на днях я видела доски;
И на холмах погребальных, без тел, – имена прочитала» [21].

Имел свои отличия и обряд похорон несовершеннолетних представителей римского общества. Так, обычай предписывал родителям скромно хоронить своих детей. Это было связано с тем, что «детская смертность была очень высока, роды – занятием рискованным во всех отношениях. Детям не давали имен и не праздновали их появления на свет, пока они не достигали восьмилетнего возраста» [22].

Факт высокой детской смертности, ввиду недостаточного уровня развития медицины, не подлежит сомнению [23], однако представление отдельных исследователей о том, что ребенку, не достигшему восьми лет, отказывали в праве носить имя, источниками опровергается [24]. При этом смерть ребенка не должна была стать неожиданностью для римского родителя, но во многих случаях готовность к ней не снижала силу горя [25].

В попытках предотвратить смерть своего ребенка «женщины и их мужья молили богов защитить их неродившихся, только что родившихся или маленьких детей» [26]. Преодоление своеобразного рубежа – восьмилетнего возраста – отнюдь не гарантировало ребенку долгой жизни. Смерть могла наступить еще несовершеннолетнего молодого и вполне здорового человека внезапно [27].

Однако далеко не всегда смерть ребенка была трагедией, утратой для семьи. Благодаря текстам источников нам известны случаи, отражающие «сбой» гендерной идентичности женщины, проявившийся в присвоении матерью функции, присущей мужчине, – права распоряжаться жизнью и смертью своих детей:

«Злая гадука, обедом одним умертвила двоих ты,
Сразу двоих? – “Будь семеро их, семерых бы я тоже...”» [28].

Среди мужчин также встречались те, кто не любил собственных детей. Так, Тиберию его сын Друз был противен своими пороками, тем, что жил он легкомысленно и распушено. «Даже смерть его не вызвала в отце должной скорби: чуть ли не сразу после похорон вернулся он к обычным делам, запретив продолжительный траур» [29].

Таким образом, в целом процесс проводов усопшего в последний путь не являлся неизменной, устоявшейся данностью. Он обладал подвижными границами и изменял свое содержание в зависимости от обстоятельств смерти, а также материального достатка покойного и его положения в общественной иерархии.

Литературные произведения, равно как и тексты законов, содержат свидетельства существования обоих способов захоронения: труположения (ингумации) и трупосожжения (кремации) [30].

В среде знатных римлян было принято не только заранее определять наилучший вариант захоронения, но и готовить себе место последнего упокоения или же в завещаниях оговаривать, какую усыпальницу, какой памятник на своей могиле они хотели бы иметь [31]. Ко времени расцвета Римской империи была распространена процедура дарения земельного участка под гробницу или памятник, причем преподнести подобный подарок мог как муж жене, так и жена мужу. Однако, «если муж подарил жене (участок) в целях погребения, то считается, что участок только тогда начнет принадлежать женщине, когда погребено тело» [32].

При этом законодательно определялось отличие гробницы от памятника, состоявшее соответственно в наличии внутри сооружения тела или останков, либо в их отсутствии. Вне зависимости от того, была гробница пустой или же нет, значимость ее не снижалась, так же, как и основная функция, заключающаяся в сохранении для потомков памяти о покинувшем земную жизнь человеке. Единственное различие состояло в сакрализации места захоронения и отсутствии подобного статуса у памятника [33].

При этом у человека могло быть несколько могил, то есть мест захоронения останков усопшего:

«Было три зуба всего у Пицента, и как-то случилось,
Что, у гробницы своей сидя, он выплюнул их.
Он подобрал и сложил за пазуху эти останки
Челюсти слабой и все предал потом их земле.
Кости его собирать после смерти не должен наследник:
Долг свой последний себе сам уже отдал Пицент» [34].

Данный казус предписывает родственнику не производить лишних захоронений, так как обряд погребения костей (зубов) уже был произведен, и место, где они были закопаны, можно считать могилкой. Более того, данное место, по всей вероятности, можно было считать сакральным, ибо там были захоронены черепные кости. А как повествуют законы, религиозным являлось то место, где была захоронена голова [35].

При этом локализация могил могла быть различной. У жителей древнейшего Рима, к примеру, возможность производить захоронения тел усопших в черте города строго табуировалось. Однако довольно скоро, в царствование Сервия Туллия (VI в. до н. э.), процесс урбанизации поглотил холм Эсквилин с располагавшимся на нем кладбищем. Таким образом, места упокоения усопших больше не были сокрыты от людских глаз [36]. Более того, процесс расширения жизненного пространства за счет территорий, содержащих захоронения, нередко носил целенаправленный, осознанный характер, а иногда к этому примешивалось желание обогатиться путем присвоения содержимого могил. Так, во времена Цезаря «новые поселенцы, выведенные по Юлиеву закону в Капую, раскапывали там древние могилы, чтобы поставить себе усадьбы, и очень усердствовали, так как им случилось отыскать в земле несколько сосудов старинной работы» [37].

В эпоху Империи захоронения могли располагаться на приусадебных участках, что уберегало умершего от возможного забвения, а также облегчало и упрощало для живых совершение обрядов поминовения [38]. Появилась и тенденция создания семейных кладбищ, которые позволяли и после смерти сохранить ощущение семьи, единства близких родственников.

Вероятно, соседство живых и мертвых уже не вызывало страха, в отличие от древнейшего периода римской истории, и не ассоциировалось с процессами гниения тела в связи с доминированием кремации, а наоборот, обеспечивало, при условии соблюдения обрядов, защиту со стороны духов умерших, благополучие и процветание семьи.

Местами погребения могли становиться также рощи и поля [39].

Особенностью римской цивилизации стало и размещение могил вдоль дорог. «Едучи мимо могил по холмистой латинской дороге» [40], путники довольно часто останавливались у надгробий и читали эпитафии. Расположение захоронений в столь людных местах могло быть не только призывом к необходимости чтить и восхвалять предков, но и служить напоминанием путникам о бренности бытия, быть средством пробуждения сочувствия и сострадания к усопшим [41].

Для большинства римлян главным являлось осознание того, что после смерти они не будут забыты, что их могилы, вне зависимости от их размера и красоты оформления, будут чтить, что память о них навсегда сохранится в сердцах, в мыслях живых. Следовательно, «могила для него [римлянина. – Н. П.] была не только местом упокоения, где его останки находили “покой земли”, где дремали его manes, которые ежегодно пробуждались от ритуальных приношений; могила была памятником, знаком, адресованным живым и увековечивающим память о его деяниях» [42].

Таким образом, люди Императорского Рима не были равны перед лицом смерти. Согласно данным источников, наблюдаются существенные различия в исполнении, соблюдении предпосмертных и похоронных обрядов в зависимости от пола, возраста, а также статуса ушедшего из жизни человека. Кроме того, первостепенное значение имело сохранение в памяти последующих поколений образа умершего, в этой связи с этим могила – «след» человека как свидетельство его пребывания на земле приобретала чрезвычайно назначение и должна была быть видима.

Примечания

1. Дигесты Юстиниана [Текст] // Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. – М., 1997.

2. Светоний Транквилл Гай. Жизнь двенадцати Цезарей [Текст] / Пер. с лат., предисл. и послесл. М. Гаспарова. – М., 1990.

3. Овидий. Метаморфозы [Текст] // Собрание сочинений: В 2 т. Т. 2: Метаморфозы. Фасты / Вступ. Ст. В. С. Дурова. – СПб., 1994.

4. Овидий. Фасты [Текст] // Собрание сочинений. В 2 т. Т. 2: Метаморфозы. Фасты / Вступ. Ст. В. С. Дурова. – СПб., 1994.

5. Марциал Валерий Марк. Эпиграммы [Текст] / Пер. Ф. А. Петровского. – М., 1968.

6. Ювенал. Сатиры [Текст] / Пер. Недовича и Петровского. – М., 1937.

7. Овидий, Метаморфозы, VII, 862.

8. Велишский, Ф. Ф. История цивилизаций: быт и нравы древних греков и римлян [Текст]. – М., 2000. – С. 653.

9. Винничук, Л. Люди, нравы, обычаи Древней Греции и Рима [Текст]. – М., 1988. – С. 319.

10. Марциал, Эпиграммы, VIII, 75.

11. Ювенал, Сатиры, III, 257–260.

12. Дигесты Юстиниана, XI, VII, 14, § 7.

13. Там же. XI, VII, 12, §3.

14. Там же.

15. Там же. XI, VII, 14, § 5.

16. Винничук, Л. Люди, нравы, обычаи Древней Греции и Рима [Текст]. – М., 1988. – С. 321.

17. Там же.

18. Однако во времена, предшествовавшие введению первого римского свода законов – Законов XII таблиц, нормы обычного права не предусматривали какого-либо рода запретов на выражения скорбных чувств (Овидий, Метаморфозы, IV, 544–545; XIII, 687–690). Вероятно, на ранних этапах существования римской цивилизации, когда еще сильны были пережитки первобытнообщинного строя, господствовали представления о первостепенности моральной компенсации нанесенных обид и выражения чувств не ради демонстрации власти, богатства и знатности, а по внутреннему душевному порыву.

19. Ювенал, Сатиры, VIII, 19.

20. Там же, I, 146.

21. Овидий, Метаморфозы, XI, 428–429.

22. Джеймс, П. Римская цивилизация [Текст]. – М., 2000. – С. 174.

23. Марциал, Эпиграммы, XI, 91.

24. Там же, VII, 96.

25. Там же, V, 34.

26. История женщин на Западе: В 5 т. Т. I: От древних богинь до христианских святых [Текст] / Под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро; Под ред. П. Шмитт Пантель. – СПб., 2005. – С. 313.

27. Марциал, Эпиграммы, IX, 76.

28. Ювенал, Сатиры, VI, 639–642.

29. Светоний, Жизнь двенадцати Цезарей, III, 52.

30. Марциал, Эпиграммы, XI, 14; X, 71.

31. Винничук, Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима [Текст]. – М., 1988. – С. 329.

32. Дигесты Юстиниана, XXIV, I, 8, § 9.

33. Там же. XI, VII, 42.

34. Марциал, Эпиграммы, VIII, 57.

35. Дигесты Юстиниана информируют о том, что «религиозным является то место, где похоронено главное, то есть голова, которая дает образ, по которому нас узнают». См.: Дигесты Юстиниана, XI, VII, 44.

36. Марциал, Эпиграммы, I, 116.

37. Светоний, Жизнь двенадцати Цезарей, I, 81.

38. Марциал, Эпиграммы, X, 61.

39. Там же, X, 43.

40. Ювенал, Сатиры, V, 55.

41. Марциал, Эпиграммы, VI, 28; XI, 13.

42. Грималь, П. Цивилизация Древнего Рима [Текст] / Пер. с франц. И Эльфонд. – Екатеринбург; М., 2008. – С. 104–105.